

T.L. Selitrina
Bashkir State Pedagogical University named after
M. Akmuiia, Ufa, Russia

S.T. AKSAKOV IN ENGLISH TRANSLATIONS (PROBLEMS OF TRANSLATION AND PERCEPTION)

Abstract. The article draws attention to the possibility and specificity of translating works by S.T. Aksakov into the English language. It focuses on A.I. Herzen's idea of impossibility to translate works by S.T. Aksakov into the English language. The translation process of Aksakov's trilogy by an English translator James Daff is described. The article provides the estimates of S.T. Aksakov's artistic legacy by English writers and critics.

Key words: Aksakov, translations, Daff, Herzen, Woolf, perception, Darkin, idioms.

3 февраля 1857 в статье «Еще вариации на старую тему (Письмо к ...)» А.И. Герцен написал: «читая летопись семейства Багровых, я был поражен сходством старика, переселившегося в Уфимскую провинцию с «сэттлерами» [поселенцами-колонистами (англ. «settler») – Т.С.], переселяющимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или Иллиноис. Совершенно новая расчистка нежилых мест и обращение их на хлебопашество и гражданскую жизнь. Когда Багров со всех сторон народ засыпает плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю, и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А ведь это всего век тому назад» [2, с. 408]. Значительно позже, 4 апреля 1864 года в своем публицистическом очерке «Письма к будущему другу» А.И. Герцен добавил: «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, простодушные записки честного Болтина и вовсе не добродушные рассказы Вигеля помогают нам сколько-нибудь узнать наше неизвестное прошлое – не XVIII столетие, его знает М.И. Погодин, а XVIII и XIX век» [3, с. 197].

Когда бывшая воспитательница его дочери Ольги, Мальвида Мейзенбург, задумала перевести «Семейную хронику» Аксакова на английский язык, он предостерег ее от этого начинания: «Я не советую Вам братья за перевод воспоминаний Аксакова, они слишком обширны, из них следовало бы сделать небольшую книжку, а это не легко. Полагаю, Вы могли бы перевести на английский язык повести Пушкина, «Капитанская дочка» и «Арап Петра Великого»» [4, с. 17]. В декабре того же 1856 года он вновь настойчиво рекомендовал ей отказаться от этого намерения: «Я написал г. Делаво [переводчик Герцена на французский язык – Т.С.] о «Воспоминаниях» Аксакова – есть продолжение в журналах. Но я еще раз должен сказать, что будет не легко, потому что это очень национальное произведение» [4, с. 55]. Взамен

УДК 821.161.1.0+821.111.0

Т.Л. Селитрина
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия

С.Т. АКСАКОВ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И РЕЦЕПЦИИ)

Аннотация. В статье обращено внимание на возможности и специфику перевода произведений С.Т. Аксакова на английский язык, а также восприятия его творчества в англоязычном мире. Приводится мнение А.И. Герцена о невозможности перевода произведений С.Т. Аксакова на английский язык. Излагается история перевода трилогии Аксакова английским переводчиком Джеймсом Даффом. Приводятся оценки художественного наследия С.Т. Аксакова английскими писателями и критиками.

Ключевые слова: Аксаков, переводы, Дафф, Герцен, Вульф, рецепция, Даркин, идиомы.

он предлагает ей перевести для английского журнала только что появившуюся повесть Тургенева «Фауст» с французского.

10 апреля 1857 года он вновь объясняет Мальвине: «В «Хронике» Аксакова излагается история одного из его дедов, который переселился из Симбирской губернии в Оренбург. Это была тогда совсем дикая сторона, и это история американского settler'a с грубым, патриархальным, чисто славянским характером, между прочим, в ней очень интересны женские образы и описания первого соприкосновения полугерманской цивилизации с полудикими натурами. В одном русском журнале напечатан новый том. Сказать правду, это сочинение слишком длинно для рядового читателя. Выберите лучше ряд отрывков, а пропусти – вкратце перескажите» [4, с. 90]. 20 августа он сообщает Мальвине, что у него побывал Иван Аксаков («брат ярого славянофила)... Его отец, будучи тяжело больным, потеряв глаз в возрасте 66 лет мог еще написать книгу, про которую говорят, что она прекрасна» [4, с. 114]. Речь идет о «Детских годах Багрова внука».

18 января 1858 года он напомнил Мальвине, что он ранее говорил ей об издателе и переводчике Аксакова на немецкий язык: «Этот переводчик – русский, – который живет в Берлине и перевел вполне хорошо на немецкий «Хронику» Аксакова, которую я Вам посылаю. Решились ли Вы приняться за перевод? В противном случае можно было бы уступить ему. Впрочем, поступайте как хотите – я его совсем не знаю» [4, с. 157].

Спустя более чем 50 лет (1916-1917) в Англии в издательстве Эдварда Арнольда все же появился перевод трилогии С.Т. Аксакова, выполненный Джеймсом Даффом «Years of Childhood» («Детские годы Багрова-внука»), «Russian Gentleman» («Семейная хроника»), «Russian School boy» («Воспоминания»). В 2000 году в Уфе побывал внук переводчика геофизик Ричард Дафф, который вскоре прислал в музей им. Аксакова машинописный текст «Жизнеописание Джеймса Даффа», написанный в 1970 году его отцом, сыном переводчика Аланом Даффом. Специалист по классической филологии Джеймс Дафф преподавал в Кембридже (Trinity College), переводил и издавал Ювенала, Лукреция, Плиния-младшего, Цецерона, Лукана и Сенеку. В 1890 годы началась его дружба с семьей богатого русского горнозаводчика, англофила Пашкова, купившего просторный дом в графстве Эссекс, куда он часто приглашал своих английских друзей. Среди них оказались приятели-филологи Джеймс Дафф и Генри Смит, приглашенные посетить Россию.

Решился на поездку только Генри Смит. С трудом добравшись до Уфы, он охотился и занимался рыбной ловлей в загородных поместьях Пашкова, и можно с абсолютной уверенностью полагать, что он поделился своими впечатлениями обо все увиденном в России со своим приятелем Даффом. Связи с Пашковым возобновились

у Даффа спустя много лет, когда на учебу в Trinity College прибыли сыновья Пашкова, Василий и Александр. Сын Даффа, Алан, предположил, что именно тогда у его отца проявился особый интерес к русскому языку и литературе. Летом 1903 года он прочел в переводе на французский язык «Войну и мир» Толстого, что «подтолкнуло его вторгнуться в область до того неизвестную» [6, с. 216]. Он приступил к изучению русского языка, опираясь на франко-русский словарь и грамматику русского языка, стараясь брать уроки у любого, знающего русский язык. Во всяком случае, спустя год он мог уже вполне сносно написать письмо, в частности, вдове Пашкова Александре Григорьевне. Она поселилась в Англии на время обучения своих сыновей в Кембридже. Будучи высоко образованной дамой, безукоризненно владеющей французским и английским языками, она была способна раскрыть Даффу сложные правила русской грамматики. Госпожа Пашкова вернулась в Россию в 1911 году, но их переписка продолжалась.

Дафф продолжал издавать тексты античных классиков, параллельно занимаясь русской литературой, изучая реалии русской жизни. Среди его предпочтений оказались А.И. Герцен, Л.Н. Толстой и С.Т. Аксаков. Он перевел «Семейное счастье» Л. Толстого, «Былое и думы» Герцена, трилогию Аксакова. Под его редакцией в 1917 году на английском языке вышли книги: «Русские реалии и проблемы», «Русская лирика» и ранний Лермонтов. Полагаю справедливым мнение Г. Ивановой, научного сотрудника дома-музея С.Т. Аксакова, что «творчество русского писателя оказалось созвучно душе англичанина» [7, с. 210]. Дафф так же, как и Аксаков, любил охоту и дальние прогулки: он частенько проводил утро с ружьем и собакой, охотясь на куропаток и фазанов, предпочитая верховую езду в окрестностях родного дома в Ноклейте, любил разводить розы и нарциссы, переживая за состояние сада во время сильных морозов зимой и суховея летом» [7, с. 210].

Но в этом контексте не следует забывать и о «восхищенном» отношении Даффа к Тургеневу – певцу природы. В сентябре 1856 года Тургенев писал Герцену: «Странное дело! В России я уговаривал старика Аксакова продолжать свои мемуары, а здесь – тебя. И это не так противоположно, мне кажется с первого взгляда. И его и твои мемуары – правдивая картина русской жизни, только на двух ее концах – и с двух разных точек зрения» [5, с. 99]. Живущий за границей сокурсник А.И. Герцена Н.И. Сазонов писал: «В среде русских писателей, стяжавших блистательный успех за последнее время, г. Герцен принадлежит к группе наиболее изысканных: он, г. Иван Тургенев и г. С.Т. Аксаков лучше всех пишут русской прозой; они выработали вполне самостоятельный стиль» [10, с. 200].

Занимаясь переводами античной классики, Дафф, как видим, параллельно работал над

творчеством Герцена и Аксакова, не забывая о Тургеневе и Толстом. Сам переводчик в работе над аксаковской трилогией объяснил изменения русских названий следующим образом: «Воспоминания о школе и гимназии опубликованы Аксаковым в 1856 году, когда ему было 65 лет. Он назвал их просто «Воспоминания», не предполагая, что затем последуют «Детские годы Багрова внука» и «Семейная хроника» [11, с. 48].

Заглавие «Русский школьник» выбрано Даффом для удобства перевода, ибо в этой части писатель рассказывает о годах учения, в частности, в Казанской гимназии, преобразованной в 1804 году в университет. Ему тогда исполнилось 15 лет: «То были славные годы для Аксакова – немного науки, но зато много театра, а летом – охота и рыбная ловля. Если бы в наших университетах существовала бы такая же система, у нас бы тоже рождались свои Аксаковы» – с юмором заключает Дафф [11, с. 48]. Он сообщает английскому читателю о том, что «Семейная хроника» и «Воспоминания» были опубликованы одновременно, а затем, спустя 2 года, появились «Детские годы», явившиеся составной частью единого замысла. Пояснил Дафф и необходимость замены Аксаковым в «Семейной хронике» действительных имен и географических названий вымышленными, дабы ненароком не оскорбить родственных чувств тех членов семьи, которые к тому времени еще были живы.

Название «Русский джентльмен» явилось подходящим заголовком для книги, поскольку, по его мнению, все ее сцены освещены присутствием главной фигуры – деда Аксакова, масштабной личности, сопоставимой в большей мере с гомеровскими героями, чем со своими современниками. Дафф признался, что он сократил некоторые топографические детали первой части книги, обращаясь свободно с теми замечаниями, которые сделал сам Аксаков – используя их либо частично, либо целиком, надеясь, что английский читатель оценит чистоту и ясность стиля русского писателя. Даффу было известно, что в 1858 году в Лейпциге появился перевод «Семейной хроники», выполненный Сергеем Рачинским, а также, что в Калькутте в 1876 году одна «русская дама» опубликовала свой перевод этой книги на английский язык. Эту работу Дафф счел неудачной, назвав ее «неадекватной оригиналу» [11, с. 48].

Сам он предпослал изданию «Семейной хроники» написание русских имен на латинице, их верное произношение и ударение, а в подстрочнике объяснял, что такое «десятина», «верста», «кумыс», что «Багрово» – это «Аксаково», и каким образом «варяги» – варяжские (норвежские) князья оказались на службе у русского царя.

Проблемой перевода аксаковского текста на иностранные языки отечественное переводоведение не занималось, если не считать работу студентки БГПУ Е. Языковой, которая обратила внимание на отсутствие у Даффа национального

русского колорита в тех случаях, где нет аналогов в английском языке: «наигравшись на чебызках» переведено как «playing in the pipe», «ведро вина» превратилось в «two or three gallons whisky», «местами росла густая урема из березы, сины» переведено как «in some place there was a thick border of tree sand bushes» [13, с. 74].

Другая уфимская исследовательница, канд. филол. наук Инна Федорова, в содержательной работе «Аленький цветочек С.Т. Аксакова в переводе на английский язык» заметила, что текст Аксакова «изобилует характерными для русских народных сказок идиоматическими, часто рифмованными выражениями, известными русскому читателю с детства, но не имеющих аналогов в английском языке, что ставит переводчиков в затруднительное положение» [12]. Рукопись статьи сдана в печать Акмуллинских чтений 2017 года. И. Федорова подчеркнула, что даже само название «Аленький цветочек» с его уменьшительно-ласкательными суффиксами не может быть передано средствами английского языка, поэтому переведено нейтрально: «Scarlet Flower». И. Федорова отмечает, что в переводе пропадает атмосфера сказочности: «Чудо чудное, диво дивное» передано как «such wonder sand miracles»; «честной купец» как «honest merchant». И. Федорова поясняет, что в русском языке «честной» происходит от слов «честь», «читать», «уважать», то есть купец всеми чтимый и уважаемый, а не просто честный.

По ее мнению, идиоматические выражения «красавицы писаные» переведены как «fair to see», «королевишна заморская» – как «princess beyond the sea», то есть, как мы видим, усредненной лексикой. И. Федорова считает, что Даффу в целом удалось познакомить английского читателя с содержанием русской сказки, но передать национальный колорит ему не удалось. Добавим, что этой сказке свойственна особая сказочная образность, взаимосвязь фольклорных и поэтических рядов. Любопытному английскому читателю в настоящий момент можно предложить русский текст параллельно с английским, чтобы увидеть все различие литературной сказки С.Т. Аксакова, опирающейся на фольклорные источники и пересказ этой сказки Даффом.

Переводчику можно хорошо знать русский язык, но есть тексты, которые с трудом поддаются переводу на английский язык из-за широкого применения диалектизмов, архаизмов, элементов просторечия, идиоматики, тропов языковых и тропов стилистических. Характерной чертой идиом является не их непереводимость, а метафорическая ценность, нерасторжимость. Об этом и предупреждал А. Герцен Мальвиду Мейзенбуг, которая так безуспешно стремилась перевести Аксакова на английский язык. В своей работе «Основы теории художественного перевода» известный белорусский ученый Д.Е. Факторович замечал «переводы не обогащают чужой язык, дух народа выражается исключительно в родном языке, пере-

воды только знакомят с чужой культурой, когда она интересна, если нужна какому-то другому народу» [9, с. 174]. Интерес к Аксакову в Англии был замечен дважды: в начале и середине XX века. Первый был обусловлен вниманием к русской литературе во всех европейских странах. Второй объяснялся всплеском интереса к викторианской литературе, как к очагу духовности и гармонии. В эти периоды творчество Аксакова оказалось близким английскому читателю.

В статье «Русская точка зрения» В. Вульф отмечала, что «русская литература встречает у английских читателей самый горячий отклик» [1, с. 137]. Однако ее печалил «языковой выбор»: «Сколько соотечественников наслаждались последние двадцать лет Толстым, Достоевским, Чеховым, находя в их книгах настоящий праздник ума и сердца, а ведь из них только один, в лучшем случае, два человека читали по-русски» [1, с. 137]. В. Вульф сетует на то, что «представление о художественных достоинствах русской литературы создают критики, не знающие ни слова по-русски, никогда не бывавшие в России и не слышавшие русской речи, словом, критики, слепо полагавшиеся на переводчиков... как бы ни было, русская литература вся, вне зависимости от величины писательского дарования, проникнута духом человечности» [1, с. 137].

По мнению отечественного исследователя Натальи Рейнгольд, Вирджиния Вульф сыграла выдающуюся роль посредника при знакомстве английских читателей с русской литературой [1, с. 628]. На наш взгляд, обращает на себя внимание статья В. Вульф «Русский школьник», которая явилась откликом на перевод Д. Даффа. К тому времени писательница читала по-русски, изучая язык под руководством эмигранта Самуила Котельянского. Причем, совместно с Котельянским она перевела черновые варианты Достоевского к роману «Братья Карамазовы», исповедь Ставрогина и план «Жития великого грешника». Ее муж, Леонард Вульф, описал метод их работы: «Котельянский набрасывал приблизительный перевод на свой странный английский, оставляя много места между строками для вариантов соавтора. Его английский звучал очень необычно, но в то же время это был такой живой и своеобразный язык, что было, порой соблазнительно оставить его нетронутым». В. Вульф переводила его затем на «королевский английский» [8, с. 98]. Писательница открывала для себя совершенно иную культуру, иной образ мысли – русскую культуру... Она была явно поражена, обнаружив в произведении русского писателя «огромный общечеловеческий заряд» [1, с. 631].

Полноту жизни, полноту бытия обнаружила она в книге Аксакова «Детские годы Багрова внука». Для нее Аксаков – «человек исключительной свежести и внутреннего здоровья, обильная натура, купающаяся в солнце и тени невыдуманной жизни, он может неволью прийти на па-

мять в спокойную минуту» [1, с. 401]. В. Вульф с благодарностью говорит о переводчице Даффе, который дал возможность англичанам познакомиться с автобиографией Аксакова, в которой показана эмоциональная и чудесная жизнь ребенка: «Аксакову с его щедрой, восторженной натурой дано было изведать свое детство во всей полноте и сохранить навсегда чистую радость его воскрешения» [1, с. 402]. А история с собиранием бабочек напоминает ей собственную фанатичную увлеченность. Она подчеркивает, что в отличие от Достоевского, у Аксакова была «здоровая, естественная и счастливая жизнь» [1, с. 403]. «Из-за любви ли Аксакова к природе, этой бессознательной тяги к красоте, стоявшей за его охотой, ловлей рыбы и собиранием бабочек, или из-за щедрого великодушного характера, но книги его внушают чувство изобилия и счастья» [1, с. 403].

Мы не обнаружим непосредственного влияния Аксакова на творчество В. Вульф, также как на французского писателя Марселя Пруста, во многом типологически близкому Аксакову в изображении детства. В обращении к «читателю» Аксаков заметил, что его книга «Детские годы Багрова внука» – это детский мир, созидающийся постепенно, под влиянием ежедневных новых впечатлений [11, с. 34]. Перед Прустом-импрессионистом также стояла задача раскрыть мир впечатлений («всё перечувствовать», «напоить мысль из источника самой жизни») [11, с. 34]. Западные исследователи обратили внимание на то, что личность в этих произведениях выступает и объектом и субъектом повествования. У Аксакова и Марселя Пруста «крайняя чувствительность несла в себе задатки творческой личности» [14, с. 37]. Оба произведения интровертны, ибо погружены во внутренний мир героев, что составляет ведущий принцип повествования.

В англо-саксонском мире существует на сегодняшний день единственная монография, посвященная С.Т. Аксакову: «С. Аксаков. Русская пастораль». Её автор, Эндрю Даркин, имел возможность изучать материалы о семье Аксаковых в архивах и крупных библиотеках России. На его взгляд, книги Аксакова принадлежат к пасторальной прозе, которую можно рассматривать на двух уровнях: эстетическом, в котором возникает идиллический, отдаленный во времени, естественный и простой мир, но по-прежнему близкий и в настоящий момент воспринимаемый во всей своей сложности [11, с. 41]. По мнению Э. Даркина, как всякий автор пасторали Аксаков конкретен, ткань его повествования связана с определенным временем и пространством, помещенным внутри необъятной Российской природы, которую Аксаков трансформирует в источник эстетической ценности. Пастораль в монографии Даркина исследуется как общекультурный идеал сельской жизни в гармонии с природой, сутью которой становятся уединение и духовная независимость, созидательный труд, крепкая семья и патриотизм.

Думается, что интерес к Аксакову западного читателя вполне совпадает с мыслью другого английского знаменитого критика Д. Сесила, который подчеркнул, что «семейная хроника» остается в памяти не как картина зарубежной страны и ушедшего мира, а скорее как воспоминание о детской жизни с точки зрения кругозора ребенка, которое могло возникнуть в любое время и в любом месте [11, с. 52]. По мнению Д. Сесила, «это свидетельство того, что русский писатель объединяет европейские культуры общечеловеческой тематикой, приобретая таким образом всемирное значение» [11, с. 58]. Известно влияние русской классики, начиная со второй половины XIX века, на европейских писателей. Раннее творчество Голсуорси пронизано темами, мотивами, идеями Толстого и Тургенева. Пьеса «Дом, где разбиваются сердца» Б. Шоу имеет подзаголовок «фантазии в русском стиле на английские темы». В художественный мир Г. Джеймса органически вошли многие существенные традиции Тургенева: идеалы гуманизма, принципы психологизма, чистота нравственного чувства женщин и девушек по преимуществу. По мнению В. Вульф, «даже в самом беглом обзоре современной английской литературы, нельзя не коснуться русского влияния, а стоит только русских назвать, как появляется чувство раздосадованности: зачем понапрасну тратить слова, когда писать надо только о русской литературе» [1, с. 122].

Список литературы

- 1 Вульф В. Обыкновенный читатель. – Москва : Наука, 2012. – 776 с.
- 2 Герцен А. И. Избранные труды. – Москва : Росмэн, 2010. – 774 с.
- 3 Герцен А. И. Собр. соч. : в 8 т. – Москва : Правда. – 1975. – Т. 8 – 364 с.
- 4 Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. – Москва : Академия наук СССР. – 1962. – Т. 26. – 543 с.
- 5 Герцен и Огарев. В кругу родных и близких. Литературное наследство : в 2-х т. – Москва : Наука 1997. – Т. 1 – 420 с.
- 6 Дафф А. Джеймс Дафф из Тринити : жизнеописание пер. с англ. Астровой В. А. : под ред. Иванова Г. О. / А. Дафф // Аксаковский сборник. – Уфа, 2001. – Выпуск 3. – С. 196-240.
- 7 Иванова Г. О. Джеймс Дафф Дафф из Тринити // Аксаковский сборник. – Уфа, 2001. – Выпуск 3. – С. 96.
- 8 Казнина О. А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – Москва : Наследие, 1997. – 416 с.
- 9 Муфель И. Д. Вольный перевод и ... невольный // Память и слава: Давид Евсеевич Факторович. К столетию дня рождения / ред кол. И. С. Ровдо [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. С. 172-176.
- 10 Сазонов М. И. Литература и писатели в России // Герцен А. И. Литературное наследство. – Академия наук СССР. – Москва, 1941. – Т. 41-42. – 635 с.
- 11 Селитрина Т. Л. Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур : учеб. пособие. – Москва : Высш. шк., 2009. – 288 с.
- 12 Федорова И. Г. «Аленький цветочек» в переводе на английский язык [Рукопись, сдана в печать, сб. : Акмуллинские чтения – БГПУ, г. Уфа].
- 13 Языкова Е. Семейная хроника С.Т. Аксакова в переводе на английский язык // Аксаковский сборник. – Уфа, 1998. – Вып. 2. – 70-81 с.

14 Salaman E. The Great Confession, from Aksakov and de Quincey to Tolstoy and Proust. L., 1973.

References

- 1 Vulf. V. Obyknovenny chitatel. [Tekst] / V. Vulf - Moskva: Nauka. 2012 – 776 s.
- 2 Gertsen. A.I. Izbrannyye trudy [Tekst] - Moskva: Rospen. 2010 – 774s.
- 3 Gertsen. A.I. Sobr. soch.: v 8 tomakh – Moskva: Izdatelstvo «Pravda». – 1975.-T.8 – 364 s.
- 4 Gertsen. A.I. Sobr. soch.: v 30 tomakh – Moskva: Izdatelstvo «Akademiya nauk SSSR». – 1962. - T.26 – 543 s.
- 5 Gertsen i Ogarev. V krugu rodnykh i blizkikh. [Tekst]. Literaturnoye nasledstvo: V 2-kh tomakh. – Izdatelstvo «Nauka». – M., 1997. – T.1 – 420 s.
- 6 Daff. A. Dzheyms Daff iz Triniti: zhizneopisaniye. [Tekst] per. s angl. Astrovoy V.A. pod red. Ivanova G.O. / A. Daff // Aksakovskiy sbornik – Ufa. 2001. - Vypusk 3 – s. 196-240.
- 7 Ivanova. G.O. Dzheyms Daff Daff iz Triniti. [Tekst] / G.O. Ivanova // Aksakovskiy sbornik. – Ufa. 2001. – Vypusk 3 – s. 96.
- 8 Kaznina O.A. Russkiyev Anglii: Russkaya emigratsiyav kontekste ksterussko-angliyskikh literaturnykh svyazey v pervoy polovine XXve ka. / Kaznina O.A. – Moskva: Naslediye. 1997. — 416 s.
- 9 Mufel I.D. Volnyy perevod i ... nevolnyy. // Pamyat i slava: David Evseyevich Faktorovich. K stoletiyu dnya rozhdeniya / redkol: I.S. Rovdo [i dr.]. – Minsk: BGU. 2016. S. 172-176.
- 10 Sazonov M.I. Literatura i pisateli v Rossii [Tekst] / M.I. Sazonov // Gertsen A.I. Literaturnoye nasledstvo. – Akademiya nauk SSSR. – M., 1941 – T. 41-42 – 635s.
- 11 Selitrina. T.L. Preyemstvennost literaturnogo razvitiya i vzaimodeystviye literatur: Ucheb. posobiye / T.L. Selitrina. – Moskva: Vyssh. shk., 2009. – 288s.
- 12 Fedorova I.G. «Alenkiy tsvetochek» v perevode na angliyskiy yazyk [Rukopis. sdana v pechat. sb.: Akmuллинskie chteniya – BGPU. g. Ufa].
- 13 Yazykova. E. Semeynaya khronika S.T. Aksakova v perevode na angliyskiy yazyk [Tekst]. E. Yazykova. Aksakovskiy sbornik. – Ufa. 1998. – Vyp. 2. – 70-81 s.
- 14 Salaman E. The Great Confession, from Aksakov and de Quincey to Tolstoy and Proust. L., 1973.